

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЭВТАНАЗИИ*

В 2001 г. вышла книга ректора Российского государственного гуманитарного университета доктора исторических наук Ю.Н. Афанасьева «Опасная Россия. Традиции самовластия сегодня». Автор известен в российском обществе не только как историк, но и как активный политик в первые годы перестройки.

Политическая деятельность оказала большое влияние на него, на его работы последних лет. Они носят, как правило, публицистический характер. К такому типу относится и работа «Опасная Россия». В ней слились воедино история, политика, причем обращение к истории служит основанием для политических выводов о современном состоянии нашего общества.

Россия — вечные загадки, и ключ для входа в эту «заколдованную Русь» автор находит в русской государственности, в своеобразии русской власти. Поэтому экскурсы в историю перемежаются в книге с анализом развития современной власти XX в.

Ю.Н. Афанасьев ставит острые вопросы, которые будоражат общество и на которые он пытается ответить. С автором можно соглашаться в том, что российская государственность всячески препятствовала созданию и развитию гражданского общества, что до сих пор это общество не развито в России. Отсюда и все беды страны. С Ю.Н. Афанасьевым можно соглашаться и в вопросе наших ре-

* Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия... М., 2001.

лий сегодняшнего дня. Но он не отвечает на извечный вопрос — что делать? Однако берет на себя огромную задачу вынести приговор России, людям живущим в ней, заявить на весь мир о никчемности России, ее людей. Кому опасна Россия? Прежде всего Западу — отвечает Ю.Н. Афанасьев. Россия, по его мнению, выпала из современности, подобно Ирану, Афганистану и ряду африканских стран.

Заканчивая книгу, автор пишет, что студенты его университета видят мир иначе и не таким мрачным, каким он предстает перед ним. Может быть, им доведется сделать его другим?

Вашему вниманию предлагается мнение о книге Ю.Н. Афанасьева некоторой части студентов-историков ДВГУ, прочитавших эту работу.

Э. В. Ермакова,

доктор исторических наук, профессор.

С недавних пор книга Юрия Афанасьева «Опасная Россия» стала одной из самых популярных на нашем факультете. Эта книга, рожденная пером ректора Российского государственного гуманитарного университета Ю.Н. Афанасьева, вызвала у нас противоречивые эмоции. Первоначальное недоумение сменилось недоверием, быстро перешедшим в чувство резкого неприятия.

Книга вышла тиражом 3000 экз. Яркое литературное исполнение, замечательная полиграфия, очень скромный ссылочный аппарат. Все это, на первый взгляд, позволяет сделать вывод, это публицистическая литература. Однако имя автора, его краткая биография на 4 стр. обложки быстро развеют сомнения.

В книге около 400 страниц. Позволю себе предложить просто ряд выдержек из нее. Как правило, они даже не нуждаются в комментариях. Полностью осознавая, что цитаты, вырванные из контекста, могут исказить мысль автора, мы решили привести их как можно более полно.

В первую очередь — о названии «Опасная Россия». Нетрудно понять, что это словосочетание означает отношение к России, высказанное как бы извне, некий взгляд со стороны. Удивительно, что автор Ю. Афанасьев, а скажем не З. Бжезинский. Вот первая цитата: «Можно, пожалуй, отчасти согласиться с экспертами из НИИ вооруженных сил Швеции, которые недавно выпустили исследование о наших текущих и будущих проблемах: мир не заметит исчезновения России, когда страна распадется, по их мнению, на 5 частей. Российское экономическое значение для окружающего мира ничтожно, а ее присутствие на мировом рынке выражено прежде всего рядом металлов, газом и нефтью. «Возможность замены российского сырья есть практически по всему списку товаров, за исключением палладия», — констатируют шведские аналитики. — Переориентация западного рынка займет от нескольких месяцев до одного года, в этот период цены на ряд сырьевых товаров подскочат...» Что же касается возможного распада России, то здесь бы я существенно поубавил спокойствия и беспечности... На территории России, случись здесь кризис даже в виде политического вакуума, уровень сейсмичности для всего мира будет намного чувствительнее» (стр. 47).

Итак, автор озабочен. Оставим в стороне шведских аналитиков, они тоже люди и, как и мы, тоже могут ошибаться. Но вопрос не в этом. Г-н Афанасьев озабочен не возможным «распадом России», а тем, какой катастрофой для всего мира может оказаться этот распад. В последующем, анализируя экономическую, социальную и политическую обстановку в нашей стране, он исподволь приводит читателя к мысли, что для всеобщего (космополитического) блага России нужно максимально безболезненно для себя и для других уйти с мировой арены. По сути нам, как государственному народу, предлагается ЭВТАНАЗИЯ. Г-н Афанасьев, словно у постели больного, то грозно обличает грехи своего подопечного, то мягко увещевает, что, мол, бороться бесполезно. Да, собственно, и не за что!

«Если смотреть в свое прошлое: мы, как национальное и государственное сообщество, лишены исконных устоев, устоявшейся гражданской определенности, нормальности национального единства» (стр. 145).

И далее: «...ничего такого, что отложилось бы в норму национального единения, присущего историям других стран, за всю нашу историю не просматривается. Разве только военные лихолетья, да подвиги предков в борьбе с врагами отечества, да такие долговременные константы, в которых мы поневоле были едины, как «русская власть» или «рыхлость общества». ... Иначе говоря, методами строгой науки, опираясь на логику и факты, мне не удалось пока что (да и других примеров не знаю) выявить в нашей истории

и зафиксировать точки опоры для русской национальной идентичности, на основе которой возникло бы такое, например, самосознание, которое присуще Франции, Англии, Дании» (стр. 147).

Оставим эти строки без комментария. Хотя бы из-за того, что если, по мнению автора, русские не доросли до собственной «национальной идентичности», то можно признать, что у некоторых русских отсутствует национальная принадлежность. Правда, с трудом укладывается в голову, почему же именно такой человек, как Ю. Афанасьев, руководит Российским (!) Государственным (!) гуманитарным университетом?!

Впрочем, продолжим.

Видимо, для того, чтобы развал России произошел как можно безболезненнее, автор как историк и специалист по французской историографии предлагает пересмотреть всю российскую историю. «Преодолеть» ее. По мнению г-на Афанасьева, «примерно до 1-й пол. XIII в. развитие русской государственности шло в общем аналогично соответствующему процессу в христианских странах Европы. Кризис Священной Римской империи, разрешившийся ее фактическим распадом, по сути весьма схож с трансформацией Киевской Руси в конгломерат все более дробившихся и ведших непрерывные междоусобные войны удельных княжеств; властители последних по своему статусу были близки западноевропейским баронам» (стр. 73).

Автор убежден, что альтернативе западного пути в истории не было и нет: «...какие могут быть сомнения? Какая может быть еще национальная идея реальнее и яснее, чем путь в Европу?» (стр. 37) — риторически вопрошает г-н Афанасьев. Для него все ясно: там, где Россия «сбилась» с западного пути, с этого момента ее история представляет собой набор несуразностей, отсутствие «положительной национальной идентификации», оголтелый «ордынский» деспотизм и «рыхлость общества», т. е. его практическое отсутствие.

Отсюда вывод: если и были светлые моменты в нашей истории (Киевская Русь), то на самом деле — это не наша история. Наша начинается с татаро-монгольского завоевания: «Киевская Русь — не одной только России колыбель, у Киевской Руси оказалось несколько наследников, да и территориально она сегодня уже вне России, географически она — прошлое нашего «зарубежья». И уж совсем неясно, чем была Киевская Русь... в качестве раннефеодального государства, ее, кажется, для думающих историков уже нет, в качестве союза международных корпораций, которые торговали сырьем, пенькой и рабами, пока еще нет. Словом, Древняя Русь для современной России, как, впрочем, и для Украины, это все равно, что Античность для теперешних стран, входивших когда-то в состав Римской империи. Это совсем иной Мир, не имеющий прямой преемственности с тем, что началось и развивалось потом с ордынской историей» (стр. 146).

Какое откровение для историков, специализирующихся на Древней Руси! Оказываются, они занимаются зарубежной историей!

Мы не будем вдаваться в подробности теории г-на Афанасьева о сущности «русской власти», являющейся, по его мнению, «демиургом», создающим общество и его стратификацию, в отличие от Запада, где само общество создает государство. Однако эта сентенция порождает интересные следствия: во-первых, исконное рабство русского народа, неспособного к самостоятельному продуцированию нормального государства; а во-вторых, несмотря на ярко выраженную, на взгляд автора, деспотичность русской государственности, как таковая она просто отсутствовала. Предлагаем сравнить два эпизода из «Опасной России»: «Все молотили всех: Власть — Популяцию, Популяция — Власть (в виде доносов и разоблачений «снизу»), Власть — Власть (апофеоз 1936—1938 гг.), и, самое главное, Популяция — Популяцию. В последнем случае речь идет о такой вялотекущей гражданской войне, которая развернулась как в деревне, так и в городе — на улицах, в домах, особенно в коммуналках. Именно они были главным полем битв внутри-популяционной («коммунальной») войны и одновременно пространством воспитания нового типа человека — советского, «властепопуляционного». Коммунально — гражданская, внутривоспитательная (и одновременно внутривластная) война — это война всех против всех, война, где побеждает сильнейший, где правят страх и стремление выжить любой ценой. (Выделено мною. — С.Т.)» (стр. 164).

«По мысли Гоббса, государство возникло на основе общественного договора из естественного догосударственного существования, когда люди жили в состоянии «войны всех против всех», — возникло для преодоления подобного состояния (стр. 172).

Итак, даже в период жесточайшего «перемолота» (т. е. период СССР) государства как такового у нас не было. А было «естественное догосударственное состояние». Весьма симптоматично, что г-н Афанасьев даже лишает русских права называться народом.

«Когда люди ведут постоянное существование объятых страхом ночных существ, а вся их жизнь — сплошная социальная, нравственная ночь, когда половина народа сразу и население, и власть, и жертвы, и палачи, трудно даже спуска какое-то время дистанцироваться от преступного режима, трудно рационально преодолеть свое прошлое» (стр. 166).

Трудно спорить с мнением автора книги, бывшего редактора исторического отдела журнала «Коммунист», по поводу этой статистики. Возможно, он не по слухам, а на фактах, на собственном опыте, наконец, знает о том, что «половина народа» были одновременно «и население, и власть, и жертвы, и палачи». Нам же это осталось неизвестно. Однако обидно... Тем более обидно должно быть нашим старшим поколениям, вдруг огульно вписанным в разряд «палачей».

Кстати, если кто-то из этого старшего поколения додумается наивно спросить у г-на Афанасьева: «А как же первый человек в Космосе? А как же наша победа во второй мировой войне?» — ответ он найдет тут же: «Жертвами коммунизма стали десятки миллионов людей войны, одна мировая и десятки локальных, нравственная и историческая ответственность за развязывание которых ложится на коммунистический режим. Не на него одного, конечно, как скажем, при развязывании (выделено мною. — С.Т.) второй мировой войны. Ответственность за ее подготовку (выделено мною. — С.Т.) несет и германский нацизм. Большая доля ответственности ложится также на великие державы с учетом их предвоенных позиций» (стр. 160).

Да, «преодоление истории», по г-ну Афанасьеву, — это долгий и трудный процесс. Сколько еще нужно сделать, чтобы «население», занимающее территорию России, осознано, наконец, что это именно оно «развязало» вторую мировую войну? Германский же нацизм несет ответственность только за ее «подготовку».

И закономерный итог приведенных здесь размышлений автора: «Может быть, когда-нибудь сбудутся слова Стюарта Хоума: «Не пройдет и ста лет, и средний человек не будет помнить, чем отличались фашисты от коммунистов, примерно так же, как сейчас вряд ли помнят, чем отличаются гвельфы от гибеллинов» (стр. 27).

Странно выглядят эти слова г-на Афанасьева (пусть бывшего, но все-таки!) одного из идеологов коммунистической доктрины. В общем-то понятно его желание (может, подсознательное) забыть и свое прошлое. Вместе с прошлым всей России. Это — отнюдь не покаяние, а «преодоление». Сравнить сугубо локальный эпизод истории Флоренции XV—XVI вв. с трагедией XX в. всемирного масштаба — это значит низвести ее до этого уровня и, в конечном итоге, ЗАБЫТЬ её. Право же, это проще, чем покаяться! Однако спросите у евреев, забудут ли они через сто лет Холокост?

Мы понимаем: современная отечественная история ищет и разрабатывает альтернативные гипотезы тех или иных событий. В том числе и на предмет второй мировой войны. Но_ во-первых, это — именно гипотезы (интересные, но, на наш взгляд, недостаточно убедительные). Во-вторых, заслуживает сожаления тот факт, что автор в своем труде выбрал исторические гипотезы, просто подходящие под его идеологическую доктрину. Ведь надо понимать, что «Опасная Россия» отнюдь не исторический труд. Это — ИДЕОЛОГИЯ. Причем враждебная нашему государству и в сути своей совсем коммунистическая: как раньше у нас интересы индивидуума приносились в жертву Общему, так и сейчас г-н Афанасьев предлагает интересы России принести в жертву «Человечеству».

Итак, ЗАБЫТЬ. Сначала ужаснуться собственным прегрешениям перед человечеством, затем, убедившись, что мы не имеем права жить, ЗАБЫТЬ, что мы когда-то так не считали. А потом уже ЗАБЫТЬСЯ.

Последняя «пилюля» г-на Афанасьева:

«Готовых общественных, гражданских, национальных образцов для подражания... в своем прошлом мы, скорее всего, никогда не найдем, и не надо туда с этой целью смотреть (Вот так!). Это вовсе не означает, однако, что наша отечественная история вообще не нужна для формирования позитивного образа страны, с которой нам хотелось бы сегодня солидаризироваться, обретая самих себя как некую гражданскую целостность. Напротив, история в плане обретения идентичности всегда будет едва ли не определяющей точкой отсчета. Но в такой роли может быть лишь наша по-настоящему познанная, практически и теоретически осмысленная история — преодоленная история России. То есть практически в ней, возможно (!), обнаружатся вечные хорошие начала в основном с плохими продолжениями или повествование о нереализованных возможностях... Таковую историю России, с которой можно было бы с достоинством и на равных с другими достойными войти в современный мир, не стыдясь и не гордясь ею, увы, еще только предстоит создать. Та же история, которой мы жили до сих пор, мифическая, пригодная

лишь как дурман, чтобы потешить спесивость, или для утешения в слабости, когда обстоятельство сбивают спесь» (стр. 169—170).

После такой «отповеди» предполагается закрыть глаза, сложить руки на груди и, успокоившись, ждать наступления конца. В противном случае, г-н Афанасьев угрожает наказать: «Возможно, Запад имеет основания для жесткого подхода, для давления на нашу страну. Новая администрация США уже заявляла об ужесточении американской политики по отношению к России. Но такое давление должно быть сугубо рациональным и очень умным. Нормальные «кнут и пряник» должны обеспечить поддержку демократических преобразований в России, а не шараханьям... от безусловного одобрения любого очередного российского вождя до дипломатических пощечин вроде выдвижения НАТО к российским границам. ... Россия должна испытать «дозированное давление» (стр. 357—358).

Поразительно, но эти слова принадлежат не иностранцу! Автор рекомендует хорошенько выдрессировать своих соотечественников, где-то наказывая, где-то ласково похваливая их между лохматыми ушами! Чтобы они, бестолковые, научились наконец, брать кусочки сахара с ладони Хозяина! При этом, желательно, виляли хвостом и преданно смотрели в его глаза.

«Строго говоря, большая часть населения России — это не гражданское общество, а весьма однородная масса не только в смысле низких доходов, но и в смысле основных немудреных устремлений» (стр. 209).

Характерно, что г-н Афанасьев как человек рациональный у постели больного уже начал распоряжаться его имуществом. Приводимый ниже отрывок очень пространный. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы вычленив основную мысль, завуалированную вводными словами, комментариями, как будто автору где-то в глубине души СТЫДНО... Впрочем, слова сказаны. И это — основной итог книги: «Может быть, проблема «Опасная Россия» относится к разряду современных вызовов планетарного масштаба, вставших к концу XX в. перед человечеством... И такого порядка проблемы международной безопасности тогда, быть может, должны решать несуществующие пока наднациональные органы власти современного мира?... Конечно, сегодня предлагать данное решение — скорее, жест отчаяния. ... Едва ли найдется в нашей стране хоть один сколько-нибудь расчетливый и влиятельный политик, способный вслух допустить международное вмешательство во внутренние российские дела. Но показанные выше опасные тенденции ведут к распаду России и угрожают тем самым всемирным апокалипсисом наяву. Если они получают дальнейшее развитие (а я полагаю это наиболее вероятным), некий вариант подобной «санации» — при всей ее сегодняшней невообразимости и независимо от чьих-либо предпочтений или неприятия — может оказаться единственно глобально спасительным» (стр. 391).

В общем автор предлагает ввести на территории России режим внешнего международного управления. Однако понятно, что основная «угроза миру» со стороны России — это ее военный потенциал. Введение внешнего управления, безусловно, в первую очередь постарается снять эту проблему. После этого... ничего. Лишенная международного влияния Россия уже не будет представлять собой объект, который нужно «санировать». Далее — сценарий шведских аналитиков: раздел на пять частей, установление марионеточных режимов, подконтрольных трансконтинентальным компаниям. Это — смерть России.

Мы отнюдь не считаем весь мир врагами нашей страны. Но кажется очевидной наивностью считать весь мир, бескорыстными друзьями. Или, быть может, за границей патриотов России больше, чем внутри нее?

Справедливости ради необходимо отметить, что автор в конце книги говорит:

«Специально отмечу: такой давно назревший выбор (окончательное и бесповоротное признание системы ценностей, основанной на принципах индивидуальной свободы граждан, принципах рынка, демократии) вовсе не означает отказ от национальных ценностей, распродажу национальных ресурсов и превращение россиян в «граждан мира». Никто и не думает требовать от России принести в жертву «глобализации» свою идентичность» (стр. 392—393).

Однако все предыдущее повествование пыталось убедить нас, что у нас как раз и нет вовсе ни национальной истории, ни национальной идентичности, ни национальных ценностей. Отсюда — никому не надо ничего требовать. Чтобы Россию «принести в жертву «глобализации», ее нужно лишь чуть-чуть подтолкнуть...

Что и делает автор «Опасной России», слегка в конце сочинения противореча себе.

С. ТКАЧЕВ, студент 4 курса исторического факультета Института истории и философии ДВГУ.